

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Соколов

**О поклонении Отцу
Небесному духом и истинной:
против сектантов-рационалистов**

Опубликовано:

Христианское чтение. 1903. № 9. С. 315-326.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

О поклоненіи Отцу Небесному

ДУХОМЪ И ИСТИНОЮ. *)

Противъ сектантовъ-раціоналистовъ.

VII.

МЕЖДУ тѣмъ разнаго рода раціоналисты и сектанты увѣряютъ всетаки, что Иисусъ Христосъ словами о поклоненіи Отцу *духомъ* отрицаеть, будто бы, и запрещаетъ всѣ внѣшнія, обрядовыя дѣйствія, всякія видимыя обнаруженія молитвы, весь религіозный, церковно-богослужебный культъ, якобы пренятствующій духовности истиннаго богослуженія. Говорятъ: Онъ узаконяетъ одну внутреннюю, умную молитву, безъ какихъ бы то ни было внѣшнихъ проявленій ея, одно исключительно духовное поклоненіе Богу, какъ чистѣйшему Духу. Но такое толкованіе словъ Господа ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать правильнымъ, потому что оно совершенно не согласуется съ общимъ ученіемъ Его. Уча, наприм., объ истинной молитвѣ, Иисусъ Христосъ указываетъ лишь на то, что молитва должна быть искреннею, нелицемѣрною, чуждою пустого и лицепаго многоглаголанія. «Егда молишися,—читаемъ въ Евангеліи,—не буди якоже лицемѣри, яко любятъ въ сонмищахъ и въ стогнахъ путей стояще молитися, яко да явятся человекомъ... Ты же, егда молишися, вниди въ кѣльи твою, и затворивъ двери твоя, помолися Отцу твоему, Иже въ тайнѣ... Молящеся же не лишше глаголите, якоже язычницы: мнѣть бо, яко во

*) Окончаніе. См. августъ.

многослаголаніи своемъ услышати будутъ: не подобитесь убо имъ... (Мѡ. VI, 5—8). «Не уподобляйтесь имъ»—«лицемѣрамъ» и «язычникамъ»,—вотъ что выражаетъ эта рѣчь Спасителя. Лицемѣры молились изъ-за тщеславія. Продолжительнымъ «стояніемъ» своимъ во время молитвы въ синагогахъ и на углахъ улицъ они старались обратитъ вниманіе на себя другихъ и списать себѣ славу людей благочестивыхъ. нисколько не заботясь о внутреннемъ расположеніи къ молитвѣ, о чистотѣ своего сердца, о возбужденіи и развитіи святыхъ мыслей и чувствованій. Язычники были лицемѣрами иного типа: тѣ любили (что и доселѣ практикуется у индійскихъ факировъ, китайцевъ, мохаммеданъ и др.) произносить длинныя молитвы, состоявшія часто изъ простаго набора безсодержательныхъ словъ, пышныхъ иногда, но не согрѣтыхъ сердечнымъ расположеніемъ къ молитвѣ, наполненныхъ прошеніями исключительно о земныхъ предметахъ—о славѣ, власти, богатствѣ и пр. Все это лишнее, ненужное и даже «неприличное» ¹⁾. Главное въ молитвѣ—искреннее желаніе человѣка бесѣдовать съ Богомъ, сосредоточенность мыслей и чувствъ, благочестивая настроенность. Для достиженія этого, для того, чтобы удобнѣе сосредоточиться въ себѣ самомъ, отогнать отъ себя разсѣянность и нечистыя помысленія, человѣку лучше совсѣмъ уединиться. Какая же молитва, въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть на углу шумныхъ и многолюдныхъ улицъ! Тамъ можно молиться лишь фарисеямъ, жаждущимъ не молитвеннаго общенія съ Богомъ, а человѣческой славы. А кто хочетъ искренно, съ чистымъ намѣреніемъ помолиться Господу, тотъ, вопреки лицемѣрамъ, пусть уйдетъ даже, если можетъ, въ тайную кѣлтъ свою, чтобы никто изъ людей не видѣлъ его, не разсѣваль, не развлекалъ его молитвенно-настроеннаго духа. Молящагося съ истиннымъ, благочестивымъ расположеніемъ духа, хотя и тайно отъ людей, услышитъ Богъ, «видящій тайное», тогда какъ молитва лицемѣрная, хотя и совершаемая явно, не угодна Ему (Мѡ. VI, 6). Истинно молящійся, сверхъ того, не долженъ говорить ничего лишняго и недостойнаго Бога, подобно язычникамъ: Богъ и безъ лишняго пустословія знаетъ, что нужно тому или другому человѣку (—VI, 7—8). Поэтому че-

¹⁾ Въмѣсто слав. словъ „не лишне глаголите“—въ персид. и эвѣопскомъ переводахъ стоитъ: „не говорите неприличнаго“ (см. „Сборн. стат. по истолк. и назид. чтен. четвероевангелія“. М. Барсова. Т. 1. Симб. 1890, стр. 478.

человѣкъ своею молитвою долженъ только свидѣтельствовать о своемъ внутреннемъ настроеніи и благоговѣнно раскрывать его предъ Богомъ ¹⁾. Иисусъ Христосъ далъ и самый образецъ молитвы—какъ и о чемъ должно молиться Богу—Отцу нашему, «сущему на небесахъ», какъ и въ какомъ направленіи намъ раскрывать предъ Нимъ свое нелицемѣрное молитвенное настроеніе (—9—13; Лк. XI, 1—4).

Таковъ прямой буквальный смыслъ приведенныхъ словъ Спасителя. Видѣть въ нихъ отрицаніе вѣншихъ дѣйствій молитвы нѣтъ никакихъ оснований. Христосъ не запретилъ и словесной формы молитвы; напротивъ, даже Самъ далъ примѣръ ея, назвавъ излишнимъ и недостойнымъ Бога пустое многословіе въ молитвѣ и прошенія только о земномъ и указавъ на негодность Господу лицемѣрныхъ молитвъ вообще. О безполезности какихъ бы то ни было проявленій истиной, нелицемѣрной молитвы Отецъ совсѣмъ не упомянулъ здѣсь. Однако изъ всей бесѣды Его ясно, что всякое проявленіе молитвы имѣетъ значеніе въ очахъ Божіихъ постольку, поскольку служить дѣйствительнымъ обнаруженіемъ искренней молитвенной настроенности человѣка. И молитва фарисеевъ была негодна Богу не потому, что она сопровождалась «стояніемъ» или какими-либо вѣншими дѣйствіями, а потому, что она была лицемѣрной, неискренней. То, чѣмъ сопровождалась она, было лишь пустою формою безъ содержанія, такъ какъ истиннаго-то, религіознаго содержанія въ молитвенную форму не было вдохнуто лицемѣрамп. Они «стояли» на молитвѣ и громко зывали къ Богу, а сердце ихъ далеко было отъ Него, духъ ихъ былъ занятъ тщеславными помыслами и чужды молитвеннаго настроенія. Понятно, это—неистинные, не духовные поклонники Отца Небеснаго, такъ какъ высшая жизнь духа въ нихъ подавлялась низменными влеченіями.

Въ той же самой бесѣдѣ, гдѣ Христосъ поучаетъ нелицемѣрной молитвѣ, Отецъ говоритъ: «аще принесеши даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и иди. прежде смирися съ братомъ твоимъ, и тогда прииди и принеси даръ твой» (Мѡ. V, 23—24). Слѣдовательно, научая нелицемѣрно молиться въ кѣлти, Спаситель отноудь не отмѣняетъ этимъ участія и въ общественномъ богослуженіи. Указывая новое условіе истин-

¹⁾ Св. *Василій Великій*. Творенія. ч. 5, М. 1858, стр. 388.

ной, духовной молитвы, Онъ вмѣстѣ съ тѣмъ нисколько не отвергаетъ пользы присутствованія за богослуженіемъ, совершаемымъ «предъ олтаремъ» и немислимымъ безъ культовыхъ, внѣшнихъ дѣйствій. Очевидно, общественное богослуженіе не можетъ нарушать заповѣди Его о тайной молитвѣ «въ клѣтѣ», потому что и въ церкви, среди многихъ людей, всегда возможно молиться «втайнѣ». «Если, стоя въ церкви,—разсуждаетъ митроп. московскій Филаретъ,—ты совершаешь дѣйствія благоговѣнія, общія всѣмъ присутствующимъ, по стараешься удерживать или дѣлать непримѣтными *особенныя* въ тебѣ движенія возбужденнаго благочестія, воздыханія или вопли, готовые исторгнуться, слезы, готовые пролиться: въ семь расположеній ты и среди многочисленнаго собранія сокровенно предстоишь Отцу твоему, Иже въ тайнѣ» ¹⁾. Значитъ, слова Иисуса Христа о молитвѣ «втайнѣ»—въ клѣтѣ можно понимать также и духовно, небуквально. Такъ именно и объясняютъ ихъ многіе святые отцы и учителя церкви: Іоаннъ Златоустъ, Аонасій Великій, Василій Великій, Амвросій Медиоланскій, блаж. Теофилактъ и друг. Подъ «клѣткою» (*τὸ ταμίειον, cubiculum*) они разумѣютъ *сердце* человѣка. Молящемуся надобно войти въ глубину своего сердца, закрыть въ него входъ всякимъ житейскимъ, постороннимъ помысламъ, настроиться мыслью о Богѣ и тогда уже чистымъ духомъ бесѣдовать съ Господомъ: «вниди въ клѣтъ твою, и затворивъ двери твои, помолися Отцу твоему, Иже въ тайнѣ» (Мф. VI, 6). «Сердце—вотъ клѣтъ молитвы, которую ты всегда имѣешь съ собою», говоритъ св. Амвросій. «Въ сію клѣтъ преимущественно должно уединяться, хотя бы мы находились и между людьми». «Богъ вездѣ смотритъ на цѣль дѣлъ», присовокупляетъ Златоустъ. «Если и въ клѣтъ войдешь и затворишь за собою двери, то, ежели дѣлаешь это по тщеславію, затворенныя двери не принесутъ тебѣ пользы... Господь желаетъ, чтобъ ты прежде, нежели затворишь ихъ, изгнать изъ себя тщеславіе и заключить дверь сердца твоего» ²⁾.

Выходить, по ученію Господа, что чистота сердца, миръ съ ближними, сосредоточенность духа, искреннее молитвенное настроеніе—необходимыя условія богоугодной, духовной молитвы. А изъ внѣшнихъ обнаруженій ея, по смыслу Его рѣчи,

¹⁾ Слова, т. 1, стр. 196.

²⁾ М. Барсовъ. Сборникъ статей по ист. и назид. чт. четвероевъ, т. 1, стр. 476—477.

только тѣ будутъ удобными Богу и, сообразно съ духовностью внутренней молитвы, *духовными*, которыя будутъ естественнымъ выраженіемъ молитвеннаго духа или настроенія. Между внѣшней формою молитвы и внутреннимъ содержаніемъ ея должно быть полное соотвѣтствіе; въ противномъ, случаѣ молитва неизбежно окажется лицемѣрною, неистинною, недуховною. Сама по себѣ внѣшняя форма (слова, движенія и проч.), служащая нормальнымъ выраженіемъ соотвѣтственнаго внутренняго содержанія, не только не лишитъ молитву *духовности*, но въ значительной степени будетъ способствовать развитію или раскрытію, усовершенію ея духовнаго характера. Спаситель показалъ это наглядно въ особой притчѣ о мытарѣ и фарисей. Въ обличеніе сектантовъ, считающихъ духовною и угодною Богу лишь каждую внутреннюю молитву, безъ всякихъ видимыхъ проявленій ея, приведемъ эту притчу. «Два челоѣка вошли въ храмъ помолиться: одинъ фарисей, а другой мытарь. Фарисей ставъ молился *самъ въ себѣ* такъ: Боже, благодарю Тебя, что я не таковъ, какъ прочіе люди, грабители, обидчики, прелюбодѣи, или какъ этотъ мытарь... Мытарь же, стоя вдали, не смѣлъ даже поднять глазъ на небо; но, ударяя себя въ грудь, говорилъ: Боже! будь милостивъ ко мнѣ грѣшному! Сказываю вамъ, что сей пошелъ оправданнымъ въ домъ свой болѣе, нежели тотъ: ибо всякій, возвышающій самъ себя, униженъ будетъ, а унижающій себя возвысится» (Лук. XVIII, 10—14). Достойно примѣчанія, что фарисей молился самъ въ себѣ, т. е. внутренно, безъ видимаго обнаруженія своей молитвы внѣшними дѣйствіями, и съ этой точки зрѣнія—духовно. Несмотря на эту мнимую духовность, его молитва оказалась неудобною Богу. Молитва же мытаря, который свое молитвенное настроеніе, проникнутое искреннимъ сокрушеніемъ и смиреніемъ, выражалъ во внѣшнихъ дѣйствіяхъ, была принята Богомъ. А такъ какъ Богу угодна только *духовная* молитва, ибо Ему *«духомъ достоинъ кланяться»*, то несомнѣнно, что *духовною* - то была молитва мытаря, а не фарисея, хотя и молившагося «въ себѣ»,—внутренно ¹⁾).

Слѣдовательно, не всякая внутренняя молитва *духовна*, и, наоборотъ, не всегда бываетъ *недуховною* та молитва, которая

¹⁾ Этимъ выраженіемъ: „въ себѣ“—сектанты пользуются для своихъ мыслей и разсужденій. Оно взято изъ указанной притчи и, какъ видимъ, вичего не доказываетъ въ ихъ пользу.

сопровождается соответственными тѣлодвиженіями. И Христосъ, указавъ на различіе въ способѣ совершенія молитвы мытаремъ и фарисеемъ, убѣдительно говоритъ намъ снова, что духовность молитвы обуславливается внутреннимъ ея характеромъ и нисколько не страдаетъ отъ того или иного виѣшняго выраженія его. Если внутреннее богопочтеніе наше духовно, исполнено святыхъ мыслей и благоговѣйныхъ чувствованій, то оно не перестанетъ быть таковымъ и въ случаѣ проявленія его въ какой-либо, достойной Божества, формѣ виѣшняго богопочтенія. Молитва фарисея была негодна Богу потому, что она на самомъ дѣлѣ не была духовною по внутреннему своему характеру. Она выражала лишь низменные стремленія фарисея, его печестивыя чувства: гордость, самомигніе, превозношеніе мнимымъ совершенствомъ, презрѣніе къ мытарю—плоды плоти, а не духа (см. Гал. V, 20). Жизнь духа, какъ высшаго, богоподобнаго начала въ человѣкѣ, проявляющагося въ плодахъ духовныхъ: кротости, смиреніи и т. п., въ ней совсѣмъ отсутствовала; потому-то молитва фарисея и не могла быть *духовною* и угодною Богу. Напротивъ, молитва мытаря видимымъ образомъ выражала полное его смиреніе, кротость, любовь, вѣру, признаніе грѣховности. Это тѣ именно благочестивыя чувства, которыя составляютъ, по изображенію апостола, плодъ *духовный* и жизнь религіознаго *духа* (Гал. V, 22—23), и которыя должны быть непременно въ каждомъ истинномъ, духовномъ христіанинѣ (см. Филип. II, 5—8; Гал. VI, 1) ¹⁾.

Не пренебрегая духовности этихъ благочестивыхъ мыслей и чувствованій или внутреннего богопочтенія, виѣшнее, видимое его выраженіе сверхъ того еще способствуетъ развитію самой духовности его. Оно является необходимымъ средствомъ къ дальнѣйшему совершенствованію и раскрытію духовности сердечныхъ движеній и расположеній; оно сообщаетъ послѣднимъ ту высшую степень законченности и интенсивности, на которой они становятся уже духовными добродѣтелями. Апостольскія писанія со всею силою уясняютъ и эту, важную для насъ, мысль. По перечисленію св. ап. Павла, плоды духовные суть любовь, вѣра, милосердіе (Гал. V, 22); однако всѣ они, согласно съ ученіемъ апостоловъ и самого Спасителя, будучи субъективнымъ достояніемъ человѣка, требуютъ для своего рас-

¹⁾ Сравни св. Григор. Богосл. Сл. 18-е. Твор. 4. 2 (М. 1889 г.), стр. 100 и др. Св. Ирип. Ліон. прот. ересей, кн. 5, гл. II. Р. пер. стр. 603—604.

крытія и полноты ви́шняго обнаруженія въ движеніяхъ и дѣйствіяхъ тѣла. Такъ, любовь, пока остается скрытымъ, психическимъ актомъ, неполна и несовершенна, и для того, чтобы стать совершенною, нуждается въ дѣятельномъ ви́шнемъ проявленіи. «Что мы любимъ дѣтей Божіихъ, узнаемъ изъ того, когда любимъ Бога и соблюдаемъ заповѣди Его. Ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его» (1 Иоан. V, 2—3; см. Ев. Иоан. XIV, 21, 23—24). Подобно любви и вѣра, если не обнаруживается въ добрыхъ дѣлахъ, бываетъ мертва, несовершенна и бесплодна: проявляясь же въ добродѣтеляхъ, она становится живою, все болѣе и болѣе возрастаетъ и совершенствуется. «Хочешь ли знать, неосновательный человѣкъ,—вопрошаетъ св. ап. Іаковъ,—что *вѣра безъ дѣлъ мертва?* Не дѣлами ли оправдался Авраамъ, отецъ нашъ, возложивъ на жертвенникъ Исаака, сына своего? Видишь ли, что вѣра содѣйствовала дѣламъ его, и *дѣлами вѣра достигла совершенства?*..» (Іак. II, 20—22; см. ст. 14—19, 23—26). Равно и милосердіе раскрывается и развивается чрезъ свое ви́шнее выраженіе въ соответствующей дѣятельности человѣка (см. Іак. II, 15—16; III, 13—18; Іуд. I, 21—23; Мф. XXV, 34—36) ¹⁾. То же нужно сказать и о прочихъ плодахъ духа: благодати, воздержаніи, кротости, смиреніи и др. (Гал. V, 22—23), и о всей истинной религіозности христіанина (1 Петр. II, 5—21; III, 8—11; IV, 8—12; Рим. XII, 1—21; 1 Кор. XIII, 1—8; Кол. III, 5—15). Очевидно, ви́шняя форма не только не лишаетъ духовности внутреннее религіозное содержаніе благочестиво-настроеннаго лица, но даже *содѣйствуетъ* укрѣплению и совершенствованію его *духовности*, раскрытію ея и законченности. Отсюда ясно и то, что уже по одному этому Іисусъ Христосъ, узаконяя духовное служеніе Отцу, не могъ вовсе отрицать видимой формы его, его ви́шняго воплощенія.

Стало бытъ, правильное пониманіе ученія Спасителя о поклоненіи Отцу духомъ и истинною, въ связи съ общимъ ученіемъ Его и апостоловъ, отнюдь не устраняетъ ви́шняго выраженія—воплощенія религіознаго настроенія, благочестивыхъ мыслей и чувствованій, а даже предполагаетъ видимую форму для развитія и совершенствованія послѣднихъ, для обновленія и возрожденія людей къ истинному, духовному служенію Богу. Если же ви́шность, форма не лишаетъ духовное служеніе

¹⁾ Ср. Н. Чинновъ. О поклон. Богу въ духѣ и истинѣ, бес. I, стр. 9.

его духовности, если форма дѣйствительно необходима и для духовнаго человѣка; то и Самъ Христось, разумѣется, не могъ уклониться отъ внѣшняго выраженія своего духовнаго настроенія, своей высокой молитвы и проч. Евангеліе свидѣтельствуетъ, что и Иисусъ Христось дѣйствительно не разъ проявлялъ во-внѣ разными способами свою внутреннюю, духовную жизнь, что и для Него внѣшнія движенія религіознаго характера были неизлишни. Поэтому *въ примѣръ* Господа нашего можно видѣть новое подтвержденіе той мысли, что внѣшняя естественная форма всегда потребна для религіозно-настроеннаго человѣка и никогда не можетъ препятствовать духовности его искренняго служенія Богу.

Спаситель отъ іудеевъ вообще требовалъ исполненія предписаній и правилъ, касающихся ветхозавѣтнаго культа (Мо. XXIII, 3). Когда же, по установленіи Новаго Завѣта, Вѣтхій Завѣтъ и его основныя богослужебныя формы потеряли свое значеніе и неизбѣжно должны были подвергнуться отміѣнѣ, Христось естественно долженъ былъ установить и основныя формы новозавѣтнаго богослуженія сообразно съ сущностію самаго Новаго Завѣта. И Онъ установилъ ихъ: крещеніе—взамѣщъ обрѣзанія, евхаристію—взамѣнъ іудейскихъ жертвъ и пасхи, прочія таинства (Мо. XXVI, 26—28; XXVIII, 19; Лк. XXII, 19—20; Іоан. XX, 22—23).

Итакъ, Основатель христіанства не только *не* отрицалъ внѣшняго выраженія внутренняго богопочтенія — культа богослужебнаго, но даже *защищалъ* его, своимъ *примѣромъ* внушалъ молиться и выражать духовную молитву въ соответствующихъ внѣшнихъ движеніяхъ и знакахъ и даже самъ положилъ *начало* и *основу* христіанскому культу вмѣсто временныхъ, сѣновныхъ формъ культа ветхозавѣтнаго. Поэтому и съ точки зрѣнія евангельской исторіи сужденія рационалистовъ о Христѣ, какъ противникѣ всякаго культа, несомнѣнно представляются или завѣдомо коварнымъ измышленіемъ, или ихъ легкомысленнымъ и одностороннимъ пониманіемъ дѣла.

Въ заключеніе — еще одно замѣчаніе. Противники культа бросаютъ православію укоръ, будто оно своею обрядностію крайне овеществило и, такъ сказать, *отълеслило* истинное и духовное христіанство. Настроенные противъ православно-церковнаго богослуженія, они и въ этомъ случаѣ жестоко оши-

баются вслѣдствіе того, что въ православіи не хотятъ признавать ничего, кромѣ обрядовъ, въ которыхъ за виѣшней формою не видятъ ихъ дѣйствительнаго содержанія. Самое понятіе объ обрядѣ у нихъ далеко не правильно. Именуящие себя «духовными христіанами» стараются даже представить дѣлю такъ, что въ православіи-де все существо религіи сведено къ исполненію обряда: исполняй въ точности церковные обряды—и ты спасешься, хотя бы душа твоя не принимала въ этомъ живого участія. Несправедливость такихъ упрековъ православію очевидна для каждаго православнаго, болѣе или менѣе знакомаго съ основными положеніями своего исповѣданія. Православіе, при всемъ своемъ обрядово-церковномъ богослуженіи, въ высшей степени *духовно*, и духовно оно уже потому прежде всего, что преподааетъ христіанамъ благодать *Св. Духа* и дѣлаетъ ихъ *духовными* людьми, *духовными* поклонниками Господа Бога. Но оно не можетъ быть невидимымъ, такъ какъ это преподаваніе вѣрующимъ благодатныхъ, *духовныхъ* дарованій и созиданіе плотскаго человѣка въ *духовнаго* должно совершаться лишь чрезъ посредство тѣхъ или другихъ видимыхъ священнодѣйствій. Существенная же и главная причина этого въ томъ, что сами христіане, хотя и облагодатствованные Духомъ Святымъ, хотя и духовные, не безтѣлесны. Какъ тѣлесные, чувственные, облеченные матеріальною плотію, они нуждаются, съ одной стороны, въ духовно-чувственныхъ посредствахъ къ таинственному общенію съ Богомъ, съ другой,—въ видимыхъ и виѣшнихъ дѣйствіяхъ для выраженія своей духовной жизни, своихъ духовнѣйшихъ отношеній къ Божеству. Результатомъ нашей тѣлесности и являются, во-первыхъ, таинства, во-вторыхъ—обряды. То и другое вполне естественно и неизбежно въ существахъ тѣлесныхъ, несмотря на всю духовность, возвышенность и таинственность отношеній ихъ къ Богу. Однако было бы большою странностью ограничивать православіе одною видимою формою и представлять ее чѣмъ-то особымъ, отдѣльнымъ отъ христіанина. Все значеніе—во внутреннемъ содержаніи формы и въ отношеніи къ ней человѣка. Нужно, чтобы форма, или видимое дѣйствіе, обрядъ точно соответствовали внутреннему настроенію человѣка, чтобы они выражали искреннее религіозное расположеніе его. Служа выраженіемъ духовной жизни христіанина, обрядъ въ то же время есть средство къ возгрѣванію, раскрытію и развѣтію духовной настроенности человѣка: онъ даетъ ему необходимую

пищу для его духовной жизни. Духъ религіозно-настроеннаго чловѣка изъ каждаго обряда извлекаетъ для себя соотвѣтственное питаніе, — тѣ духовные элементы, какими поддерживается и укрѣпляется истинная *духовная* жизнь его. Все это дается въ православномъ богослуженіи или въ обрядахъ, изъ коихъ оно состоитъ. А сообразно съ такимъ характеромъ и назначеніемъ своимъ самый обрядъ православный является уже не тѣлеснымъ только, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы и духовнымъ. Онъ чрезъ тѣло оживляетъ и воспитываетъ духъ чловѣка, усовершенствуетъ духовность его жизни. Духовность жизни онъ вырабатываетъ какъ бы тѣлеснымъ и видимымъ путемъ. Въ немъ видимое и невидимое, тѣлесное и духовное соединено нераздѣльно, и отдѣлять одно отъ другого нельзя, а потому совсѣмъ нельзя и утверждать, будто обрядъ церковный отѣлесилъ духовное христіанство.

Многихъ смущаетъ самое слово «*обрядъ*». Напрасное смущеніе: слово это не говоритъ о какомъ-либо отѣлесеніи духовной стороны христіанства въ ущербъ послѣдней. Оно указываетъ лишь на то, что въ существѣ своемъ обрядъ есть *рядъ* молитвъ, выражающихъ въ словахъ и дѣйствіяхъ внутреннее, духовное настроеніе чловѣка и совершающихся при соотвѣтственной обстановкѣ, въ извѣстное время, въ извѣстномъ порядкѣ, въ извѣстномъ мѣстѣ. «Что есть каждое священнослуженіе?»—спрашиваетъ пресвящ. Теофанъ и отвѣчаетъ: «*Рядъ* молитвъ, читаемыхъ, поемыхъ и мысленно къ Богу возносимыхъ. Въ этомъ существѣ священнослуженія. Но какъ мы заключены въ пространство и время, то всякое такое служеніе требуетъ своего времени, своего мѣста и порядка, своей обстановки, *обряда*, — того, что неизбежно обстоитъ *рядъ* молитвъ, хотя не составляетъ существа служенія. Священникъ въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время, въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ положено въ церкви, совершаетъ свое священнослуженіе, причемъ и онъ и причтъ и христіане присущіе держатъ себя въ извѣстномъ положеніи. Все сіе есть *обрядъ*. Но существо дѣла не въ этомъ ви́шнемъ, а въ *рядъ молитвословій* ¹⁾, совершаемыхъ при семъ. Это же все привходитъ, потому что мы пространственны и временны и, что ни станемъ дѣлать, дѣлаемъ въ свое время, въ своемъ мѣстѣ и

¹⁾ Собственно—въ религіозномъ настроеніи, выраженномъ въ рядъ молитвословій.

въ извѣстномъ порядкѣ. И кто бы сталъ въ *этомъ* полагать существо дѣла, сдѣлалъ бы большую ошибку ¹⁾». Пояснимъ это примѣромъ. Для того, чтобы написать письмо, человѣку нужны перо, чернила, бумага; необходимо даже особенное положеніе тѣла. Все это — виѣшняя обстановка; однако она настолько важна, что безъ нея нельзя написать и письма. Но сама по себѣ она есть не болѣе еще, какъ только мертвая форма: письмо не напишется, если въ эту форму человѣкъ не вдохнетъ жизни. Когда, путемъ постепеннаго написанія обычныхъ условныхъ знаковъ, онъ выразитъ на бумагѣ свои сокровенныя мысли и чувства, тогда оживится и самая форма, и явится уже письмо. Мертвая буква, матеріаль и вся обстановка писанія получатъ настоящій свой смыслъ и, въ зависимости отъ своего внутренняго содержанія—мыслей и чувствованій человѣческихъ, сдѣлается цѣною въ глазахъ людей. Всякій знаетъ, что письмо представляетъ изъ себя воплощеніе во-впѣ желанія человѣка письменно выразить свои мысли и чувства; между тѣмъ никто не думаетъ, что эти чисто-духовныя мысли и чувства его отѣлесиваются или овеществляются чрезъ выраженіе ихъ на письмѣ. И никто не полагаетъ также сущности письма въ бумагѣ, въ чернилахъ, въ извѣстномъ положеніи тѣла пишущаго лица или въ самомъ процессѣ писанія, а каждый увѣренъ, что она заключается лишь во внутреннемъ содержаніи письма — въ томъ, что оно собою выражаетъ. Такъ должно разсуждать и въ примѣненіи къ обряду. И обрядъ есть виѣшняя форма, несколько не отѣлесивающая духовнаго христіанства, какъ письмо не отѣлесиваетъ или не овеществляетъ передаваемого имъ психическаго содержанія человѣческой личности. Существо же обряда — въ *молитвѣ*, поскольку она отображаетъ религіозно-нравственное настроеніе человѣка, а не въ той обстановкѣ, которою сопровождается совершеніе молитвы по требованію нашей тѣлесности и ограниченности пространствомъ и временемъ,—подобно тому, какъ существо письма — во внутреннемъ содержаніи его, а не въ обстановкѣ или матеріалѣ. Сначала зарождается у христіанина душевное желаніе помолиться, излить свои чувства предъ Богомъ, просить Его о помощи или благодарить за оказанныя благодѣянія, потомъ оно облекается въ соотвѣтственную виѣшнюю форму,—и вотъ уже предъ нами цѣлое молитвословіе и

¹⁾ Письма къ одному лицу въ СПб. 1881. Письмо 6-е, стр. 126.

даже обрядъ. Вотъ простой примѣръ, приводимый преосвящ. Ѳеофаномъ. «Старушка проситъ священника отслужить панихиду на могилѣ сына или дочери, внука или внучки. Священникъ надѣваетъ епитрахиль и идетъ на могилу; причетникъ несетъ кадило и свѣчу. Смотри издали, что тамъ дѣлается на могилѣ? Священникъ читаетъ и кадитъ, причетникъ поетъ, старушка кладетъ поклоны, стоя на колѣняхъ. Затѣмъ—почитали, поплѣли, покадили и пошли назадъ. Дѣло поминовенія совершено... Въ чемъ тутъ существо службы? Въ томъ сильномъ *духѣ* вѣры, который побудилъ старушку пригласить священника совершить церковное поминовеніе, и въ томъ *духѣ* вѣры, съ которымъ священникъ совершалъ *рядъ* положенныхъ *молитвословій*. Все прочее — обрядъ, обстановка, неизбѣжная по условіямъ нашего земного существованія, не случайная однако, но вполне соответствующая какъ назначенію самаго этого богослуженія, такъ и настроенію совершающихъ его и участвующихъ въ немъ лицъ» ¹⁾. И духовность и вещественность, —внѣшнее и внутреннее,—здѣсь тѣсно сочетались другъ съ другомъ, слились въ органическомъ единствѣ, причемъ внутреннее и духовное ничего не потерпѣло отъ такого соединенія, ставши какъ бы живою душою, оживляющимъ началомъ обряда или богослужебной формы. А потому, кто остановилъ бы свое вниманіе на одной внѣшности, не проникнувъ во внутреннее содержаніе ея, кто вслѣдствіе этого и самое существо богослуженія поставилъ бы исключительно во внѣшней формѣ обряда, въ его тѣлесности или вещественности, тотъ сдѣлалъ бы неправильный выводъ и обнаружилъ бы лишь грубое непониманіе православнаго христіанства.

А. Соколовъ.

¹⁾ Письма къ одному лицу въ СПБ. Стр. 127.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки